

Игорь Ткаченко

Путники

*Они не были богами, они были людьми.
Их всегда было немного, но они всегда
были.*

Их звали Путниками.

*Никто не знал, как стать Путником, но
стать им мог каждый, потому что в каждой
душе живет частичка души Путника.*

*Люди шли, и Путники шли среди них и
впереди. Люди останавливались для отдыха, а
Путники все равно шли, разведывали дорогу и
возвращались, чтобы повести за собой
остальных, помочь больным, подбодрить
уставших и снова идти.*

*Путники знали, что Дорога бесконечна,
ведь Дорога была их жизнью, но люди хотели
покоя. Найдя подходящее место, люди
говорили: «Мы дальше не пойдём» и
останавливались, строили жилища,
возделывали землю, любили и ссорились,
растили детей, ненавидели и убивали.*

Люди просто жили.

*Если им было хорошо, они забывали о
Путниках. Если плохо — проклинали их.*

*А Путники... Путники тоже были
людьми. С людьми они и оставались до тех пор,*

пока неодолимая сила снова не звала их в дорогу.

1. Хромой Данда

Зыбкая полоска земли показалась на горизонте, когда надежда уже покинула измученных, отчаявшихся людей, но прошло еще два томительных дня, прежде чем семь кораблей с воинами, женщинами, стариками и детьми — всеми, кто уцелел в жестокой войне, — приблизились к неведомому берегу.

Один за другим корабли на веслах вошли в просторную бухту, защищенную от ветра похожими на клыки чудовища бурыми скалами. Тучи потревоженных птиц поднялись в воздух и с пронзительными криками заметались над мачтами. Крики птиц да скрип уключин — ни звука больше не раздавалось над гладкой водой.

Люди молчали. Ликование при виде земли сменилось привычным сосущим чувством ожидания и тревоги. Поросший густым лесом берег выглядел безлюдным, но кто знает, что ждет там беглецов?

Окованный медью нос корабля заскрежетал по песку, и Гунайх с обнаженным мечом в одной руке и боевым топором в другой первым спрыгнул на

узкую песчаную полосу, за которой сразу же сплошной стеной вставал незнакомый лес.

Тихий, подозрительно тихий лес.

Некоторое время Гунайх выжидал, вглядываясь в заросли, потом подал знак, и тотчас через борт, бряцая оружием, но все еще в полном молчании посыпались воины. Едва коснувшись ногами земли, они втягивали головы в плечи, будто ожидая удара, и озирались по сторонам, судорожно сжимая мечи и топоры.

«Труссы! — со злостью и горечью подумал о них Гунайх. — Самые лучшие, самые верные погибают первыми. Выживают труссы».

«Только бы не засада», — думал он, шагая назад и вперед вдоль кромки воды и окидывая короткими цепкими взглядами поглотивший разведчиков молчаливый лес, затянутые дымкой далекие снежные вершины гор и свои корабли, где, укрывшись за высокими бортами, изготовились к стрельбе лучники и самые могучие воины уперлись шестами в дно, готовые в случае намека на опасность до хрипа, до крови из глоток напрячь мышцы, вырвать корабли из песка, разом вспенить веслами воду...

...готовые бежать, скрываться, втягивать трусливо голову в плечи, по-заячьи запутывать следы и каждое мгновение чувствовать на затылке дыхание погони.

«Только бы не засада! Только бы земля эта оказалась безлюдной, только бы сбылось обещание хромого Данда», — как молитву, как заклинание повторял про себя Гунайх.

Передышка, несколько месяцев, несколько лет передышки. Боги! Я не прошу многого, я прошу только покоя!

Время — вот что нужно клану. Время! Чтобы воины забыли о поражениях, чтобы женщины нарожали детей, чтобы подросли и стали воинами дети, не видевшие слабости отцов. Чтобы снова все стали как пальцы одной руки, которую всегда можно сжать в кулак.

Неудачи озлобили людей, отняли у них смелость и разум. Перед сражением воины больше думают о бегстве, чем о победе. Непокойными стали глаза женщин, визгливыми их голоса. Младенцы, зачатые в страхе перед завтрашним днем, рождаются трусами. Все чаще и чаще Гунайх ловил на себе угрюмые взгляды исподлобья, а вечно всем недовольные старики словно бы невзначай вспоминают о древнем испытании и обряде смены вождя. Глупцы! Только благодаря ему, Гунайху, клан до сих пор не истреблен до последнего человека.

Гунайх вспомнил, как ночью, которая должна была стать для клана последней, он сидел у костра, обнимал за плечи младшего, единственного

оставшегося в живых, сына, и рассказывал ему о победах и былом величии клана. Мальчик слушал и, Гунайх чувствовал это, не верил ни одному слову, глаза его слипались, и все ниже клонилась голова. Гунайх уже решил про себя, что, как только Гауранга уснет, он сам даст ему легкую смерть. Негоже сыну вождя попадать в плен и гореть заживо в жертвенном костре победителей.

Наконец мальчик уснул, а Гунайх долго еще сидел, вынув нож и неподвижно уставившись в огонь, не в силах перечеркнуть последнюю надежду.

Но боги смилостивились.

Дозорные приволокли к костру дряхлого старика с всклокоченными седыми волосами и в заляпанной грязью изодранной одежде. Голосом, какой мог бы быть у расщепленного морозом пня, старик требовал разговора с вождем.

— Хорошо у костра такой ночью, как эта, — проскрипел старик, когда дозорные, ворча, отошли в сторону. Он поворошил угли концом своего длинного посоха, протянул к огню костлявые руки и зябко поежился, сразу став похожим на большую мокрую птицу. — Еще бы миску горячей похлебки и кусок лепешки... Прикажи, вождь, не жалея. Зачем обреченным пища? А старому Данда много не надо, всего-то миску похлебки и кусок лепешки. А, вождь?

В другое время после таких слов наглец уже корчился бы с перебитым хребтом, но сейчас Гунайх лишь спросил:

— Кто ты, откуда и зачем пришел?

— Тот, кого отовсюду гонят, может рассказывать долго, а у тебя нет времени слушать, скоро рассвет. Я пришел, чтобы помочь тебе... Кто бы мог подумать, что старый Данда будет предлагать помощь могучему Гунайху! — старик засмеялся, будто горсть зерна бросили в пустой котел. — Они начнут с вое ходом солнца, ты это знаешь, вождь. Их много, очень много, это ты тоже знаешь. Против тебя объединились все соседние кланы. Сильные всегда готовы объединиться против слабого. Потом они будут грызть друг другу глотки за твою землю и скот, но это будет потом. Так бывало не раз, и так будет теперь. Все повторяется, вождь. Пройдет совсем немного времени, и слабый снова будет гоним, а сильный снова будет его преследовать. Пройдет совсем немного времени, и люди забудут, что земля эта принадлежала могучему Гунайху, забудут имя твое и подвиги, мужчины клана погибнут в бою или сгорят в жертвенных кострах, а женщины найдут утешение в чужих шатрах. Ты все это знаешь, вождь.

— Зачем ты мне это говоришь? — глухо проговорил Гунайх. Страшная усталость

навалилась вдруг на него, согнула плечи, придавила к земле, и хотелось лишь одного — чтобы скорее наступило это последнее утро.

Гауранга вдруг коротко вскрикнул во сне, проснулся и в испуге уставился на возникшее перед ним темное, будто высеченное из коры неумелым мастером лицо старика.

— Кто это? — прошептал он.

— Не бойся, он сейчас уйдет. Я дам тебе похлебки и лепешку, — сказал вождь, обращаясь к старику. — Дам столько лепешек, сколько ты сможешь унести. Забирай и уходи. Ты прав, обреченным не нужна пища. Уходи. Ну!

Но Данда не собирался уходить. Не за тем он пришел.

— Я пришел вовремя, — как ни в чем не бывало проскрипел он, поглаживая посох. — Старый Данда знает, когда нужно приходить! Долго я ждал этого дня. Ты слушал и не слышал, вождь. Я пришел помочь тебе и... спасти. И его тоже спасти, — он кивнул на мальчика, тот напрягся и прильнул к отцу. — Я скажу тебе то, чего никому не говорил: есть другие земли! Я поведу тебя туда...

Старик говорил невероятное.

Другие земли! О которых никто ничего не знает. Земли, которые лежат там, где море сливается с небом.

Но там не может быть никаких земель! Все знают, есть только одна земля, зачем богам создавать другие?

Старик говорил невероятное.

Поверить ему мог только приговоренный к смерти.

Гунайх поверил. Сомнения и усталость покинули его.

Раненым, которые не могли двигаться сами, дали легкую смерть. Лошадей и скот прирезали. Повозки и шатры изрубили в щепу. Шли ночь, весь следующий день и еще ночь. Оступившиеся тонули в трясине без крика.

Гауранга, словно привязанный, все время был рядом со стариком, и тот что-то вполголоса рассказывал ему. Глаза мальчика сияли, и Гунайху впервые довелось услышать, как он смеется. Юность всегда больше склонна верить сказкам о будущем, чем правде о прошлом.

Тайными тропами через болото хромой Данда вывел клан к побережью. В защищенной от ветра бухте в ожидании добычи покачивались на мелкой волне корабли торговцев-стервятников.

Торговцев и немногочисленную сонную охрану вырезали без пощады, в живых оставили только кормчих. Погрузились на семь кораблей. Остальные сожгли.

Потянулись   долгие,   голодные,   в

лихорадочном бреду неотличимые один от другого дни плавания к земле, о которой никто ничего не знал, которой просто не могло быть, потому что нет другой земли, кроме той, что оставили беглецы.

— Какой ты хочешь награды? — уже на корабле спросил Гунайх старика.

— Я скажу, когда мы достигнем земли, — ответил Данда.

— Кто ты и откуда пришел?

— Он просто путник, — ответил, переглянувшись со стариком, Гауранга.

Солнце поднялось высоко, зыбкое марево дрожало над песком, по которому все так же размеренно, не выпуская из рук оружия, шагал Гунайх. Вытекла из щелей и пузырилась смола на палубе, изнемогали от зноя и изнуряющей неизвестности люди. Покрылась бисеринками пота и подрагивала рука воина, с обнаженным мечом стоявшего подле старого Данда.

— Как долго! Почему они не возвращаются? — теребил старика потерявший терпение Гауранга. — Они вернутся? Ты же обещал, что там не будет никого... А если...

Старик не отвечал, он неотрывно глядел поверх борта на далекие заснеженные вершины гор. Губы его беззвучно шевелились, но никто, даже Гауранга, не смог бы разобрать слетающих с них слов.

— Данда! Ну Данда же! Чего ты молчишь? А вдруг там люди?..

. — Помоги мне, — старик ухватился одной рукой за Гауранга, другой за посох, встал на ноги и про скрипел: — Они возвращаются.

В самом деле, со стороны леса слышался какой-то шум, треск сучьев, голоса, и наконец показались посланные на разведку воины. Четверо сгибались под тяжестью огромного оленя, остальные были увешаны тушками битой птицы. Чуть позже подошли два других отряда. В шлемах воины несли неведомые сочные плоды и ягоды, серебряной чешуей сверкали связки рыбин, кожаные фляги были наполнены чистой родниковой водой.

Перебивая друг друга, все говорили одно и то же: никаких следов человека, звери и птицы не пуганы, ручьи полны рыбы, а в двух полетах стрелы, за холмами, есть долина, будто созданная для поселения.

Не дожидаясь сигнала, корабли один за другим ткнулись в берег, ликующая толпа перехлестнула через борта, оружие и тяжелые доспехи полетели в одну кучу, и недавние беглецы, почувствовав наконец долгожданную свободу и безопасность, превратились на время в детей. Разведчиков снова и снова заставляли рассказывать об увиденном, и каждая новая подробность

встречалась восторженным ревом. Истосковавшиеся по земле ребяташки, забыв про голод, устроили на песке веселую возню, женщины не вытирали светлых слез, а воины со всего размаха хлопали друг друга по спинам и наконец, сцепив руки и образовав круг, в центре которого был вождь, пустились в пляс, как во время большого праздника, хором взреывая:

— Гу-найх! Гу-найх! Гу-найх!

Последним сошел на берег хромой Данда. Гауранга тут же подбежал к нему и подставил плечо. Опираясь на мальчика, старик направился к танцующим воинам. Завидев его, те прервали пляску и расступились. Смолкли голоса, и почудилось всем, или это было на самом деле, что расправились плечи старика, выше стал он ростом, помолодели и засверкали глаза его.

Медленно шел Данда, благоговейным было молчание воинов. Старик появился в трудную для клана минуту и спас их. Многим так и не суждено было бы увидеть эту землю, не умей Данда залечивать самые страшные раны, сращивать сломанные кости и прикосновением прохладной ладони снимать жар и успокаивать лихорадку. Но кто он и откуда пришел?

Подбоченившись и ухмыляясь в усы, Гунайх ждал, когда Данда приблизится.

— Старик! Ты умер бы первым, окажись здесь

люди! — со смехом выкрикнул он, и вздрогнули воины от этих слов. — Ты оказал нам большую услугу. Скажи наконец, какую ты хочешь награду?

— Вам здесь жить, — раздалось в ответ. Удивительный негромкий голос Данда, похожий одновременно на скрип расщепленного морозом пня, шелест травы и клекот птицы, одинаково хорошо был слышен и стоящему рядом Гауранга, и сбившимся поодаль в кучку и ожидающим решения своей участи кормчим.

— Здесь будет ваш новый дом, — говорил Данда. — Здесь все ваше: море и рыба в нем, лес и зверье, земля и птицы. Вы все начинаете сначала и постарайтесь сделать так, чтобы новый дом не был похож на тот, что вы покинули, иначе участь ваша будет печальна.

Гунайх не понял. Гунайх согнал улыбку с лица. В словах старика ему почудилась угроза.

— Как тебя понимать? Помолчите вы! — рявкнул он на возмущенно зашептавшихся старейшин клана, во всем видевших поправление древних традиций. — Говори, старик, кто нам может угрожать? Почему печальной будет участь? Говори!

Данда покачал головой и вздохнул.

— Я немало ходил и немало видел на своем веку, — сказал он — Видел разных людей, разными были у них жилища и одежда, мысли и обычаи.

Рожденный обречен на смерть, но между рождением и смертью лежит дальняя дорога — жизнь. И как эту дорогу пройти, кого выбрать в спутники, зависит только от людей. Мы сами делаем свою судьбу, и мало кому выпадает счастье построить жизнь заново, свернуть в сторону с дороги, ведущей к пропасти. Вам выпало такое счастье. Так зачем же тащить старую рухлядь в новый дом? А что до награды...

Он улыбнулся, глаза затерялись в сетке морщин.

— Старому Данда много не надо. Миску горячей похлебки да кусок лепешки...

— Смотрите! — раздался чей-то крик. — Смотрите же!

Невесть откуда взявшаяся белая птица медленно кружила над людьми, опускаясь все ниже и ниже. Снежные крылья едва не коснулись запрокинутых лиц, и птица легко опустилась на плечо Данды. Он погладил ее, и птица доверчиво потерлась клювом о его ладонь.

— К счастью! Счастливый знак! — пронесся шепоток, и закаленные в боях воины, ощутив неожиданную робость, подались назад, но уже через мгновение разразились ликующими криками.

Снежно-белая птица, испугавшись громких голосов, снялась с плеча Данда и полетела в сторону леса.

Веселье у костров продолжалось до глубокой ночи.

— Я назову эту землю Гунайхорн — земля Гунайха! — говорил захмелевший вождь.

— У этой земли уже есть название, — тихо, так, что его слышал только сидящий рядом Гауранга, пробормотал хромой Данда. — Латриал — земля, которую ищут.

— Я построю в долине меж холмов город и обнесу его крепкими стенами!

— И город превратится в тюрьму...

— Я выставлю сторожевые посты в горах, и никто не пройдет в нашу землю незамеченным!

— И никто незамеченным не сможет покинуть ее...

— Зачем посты и стены? — возразил Балиа, брат вождя. Здесь нет никого, кроме нас, все враги остались за морем, будь они тысячу раз прокляты!

— Нет врагов? — рявкнул Гунайх. — Враги всегда есть! Но больше они не застанут нас врасплох. Я восстановлю утраченное могущество клана и никому не позволю его подорвать. Отсюда мы никуда не уйдем. Костями ляжем, но не уйдем. Старик прав, здесь наш новый дом, и у этого дома должны быть крепкие стены. Балиа, ты завтра же возмешь людей, пойдешь в горы и разведаеть, есть ли там хоть одна живая душа!

Балиа в знак повиновения склонил голову и

прижал руки к груди, и только Гауранга заметил, какой радостью сверкнули его глаза.

— Новая земля, новый дом, — уже сонно бормотал Гунайх. — Я всех заставлю строить новый дом...

— И изо всех сил будешь стараться сделать его похожим на старый...

Вождь вскинул голову, обвел всех мутным взглядом.

— Старик! Что ты там скрипишь? Ты так ничего и не попросил в награду... Ты хитер, ты знаешь, что сейчас мне нечего тебе дать. Ты хитер, ты подождешь, пока я разбогатею, но я не жаден, проси чего хочешь... — хмельное питье и усталость взяли свое, Гунайх не договорил, повалился набок и захрапел.

Угомонились уже под утро. Сон сморил всех, спали даже кормчие, так и не узнавшие, принесут их в жертву или оставят жить.

Наступая на разбросанные по песку обглоданные кости и мусор, обходя лежащих вповалку воинов, хромой Данда подошел к самой воде и долго стоял там, опершись на посох. Большая белая птица возникла из темноты и села ему на плечо.

— Как твое крыло? — спросил Данда. — Уже не болит? Хотел бы я полететь вместе с тобой и посмотреть, что там дальше, за горами и

пустыней...

Гауранга осторожно положил на землю только что пойманную и еще трепыхавшуюся рыбину, обтер руки пучком травы и вытащил из колчана стрелу.

Тонко дзенькнула тетива, коротко пропел ветер в оперении, фазан подскочил над высокой травой, упал, хлопая крыльями, закружился на одном месте.

— Попал! Попал! — закричал Гауранга, потрясая луком. Он подбежал к бьющейся птице, прикончил несколькими ударами ножа, поднял добычу высоко над головой.

— Данда! Ты посмотри, какой красавец!

— Кровью испачкаешься, — сказал Данда, подняв голову от охапки травы, которую собрал на полянах и теперь перебирал, сидя под деревом.

Гауранга нарочно подставил руку под кровь, толчками бьющую из перерезанной шеи птицы, и мазнул себе по лицу:

— Не пристало будущему вождю бояться крови! — воскликнул он.

— И не пристало зря проливать ее. Ты не был голоден, зачем убил?

Данда с кряхтением поднялся на ноги и не оглядываясь пошел к лесу.

Глядя ему в спину, мальчик возмущенно фыркнул. Надо же, зря убил! Разве убивают только

для еды? На войне тоже убивают... Но там враги. Или ты их, или они тебя. А в жертву? Когда кормчих поймают, их принесут в жертву, хотя они не враги и не пища, просто чужие. Если поймают. Попробуй разыщи их... Но какой выстрел!

Гауранга прицепил к поясу рыбину и фазана и вприпрыжку припустил за стариком, догнал его и пошел рядом, приноравливаясь к хромой поступи.

— Все вокруг такое, каким мы его делаем, — будто не замечая мальчика, скрипучим голосом говорил Данда. — Выйди с обнаженным мечом, и все вокруг при виде тебя возьмутся за оружие. Улыбнись — и улыбнутся в ответ. Запри дверь свою, и сосед сделает то же самое. Возведи вокруг дома стены, и всюду тебе будут чудиться враги.

— Разве плохо иметь крепкие стены и доброе оружие под рукой?

— Окружать себя нужно не стенами — друзьями.

— А вдруг среди них предатель, враг? Или все они враги и лишь искусно притворяются? Те же кормчие: убили двух стражников и бежали.

— Ты будешь вождем, — грустно проговорил Данда. — Только помни: будешь зол ты — будут злы и жестоки все вокруг, и страх поселится в душах, небо из голубого станет серым, поблекнет листва на деревьях, и холодным станет солнце. Кормчих хотели убить, и они спасали свою жизнь.